

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

БОРИСА
И ГЛЕБА

ВЛАДИМИР
НЕСТЕРЕНКО

ПЕСНЯ ТАЙГИ

Интернациональный Союз писателей

Международный фестиваль Бориса и Глеба

Владимир Нестеренко

Песня Тайги

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Нестеренко В. Г.

Песня Тайги / В. Г. Нестеренко — «ИП Березина Г.Н.»,
2019 — (Международный фестиваль Бориса и Глеба)

ISBN 978-5-00153-091-6

Книга рассказов о сибирской природе, о её красоте и богатстве, о бережном отношении к фауне и флоре.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-00153-091-6

© Нестеренко В. Г., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

ОТ АВТОРА	8
РАССКАЗЫ	9
Чем лечит тайга	9
Таёжный чай	12
Мох	14
Кедровка	16
Стол хариуса	18
Превращение веснянки	21
Танец подёнки	23
Хвойные шапки	25
Сеноставка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

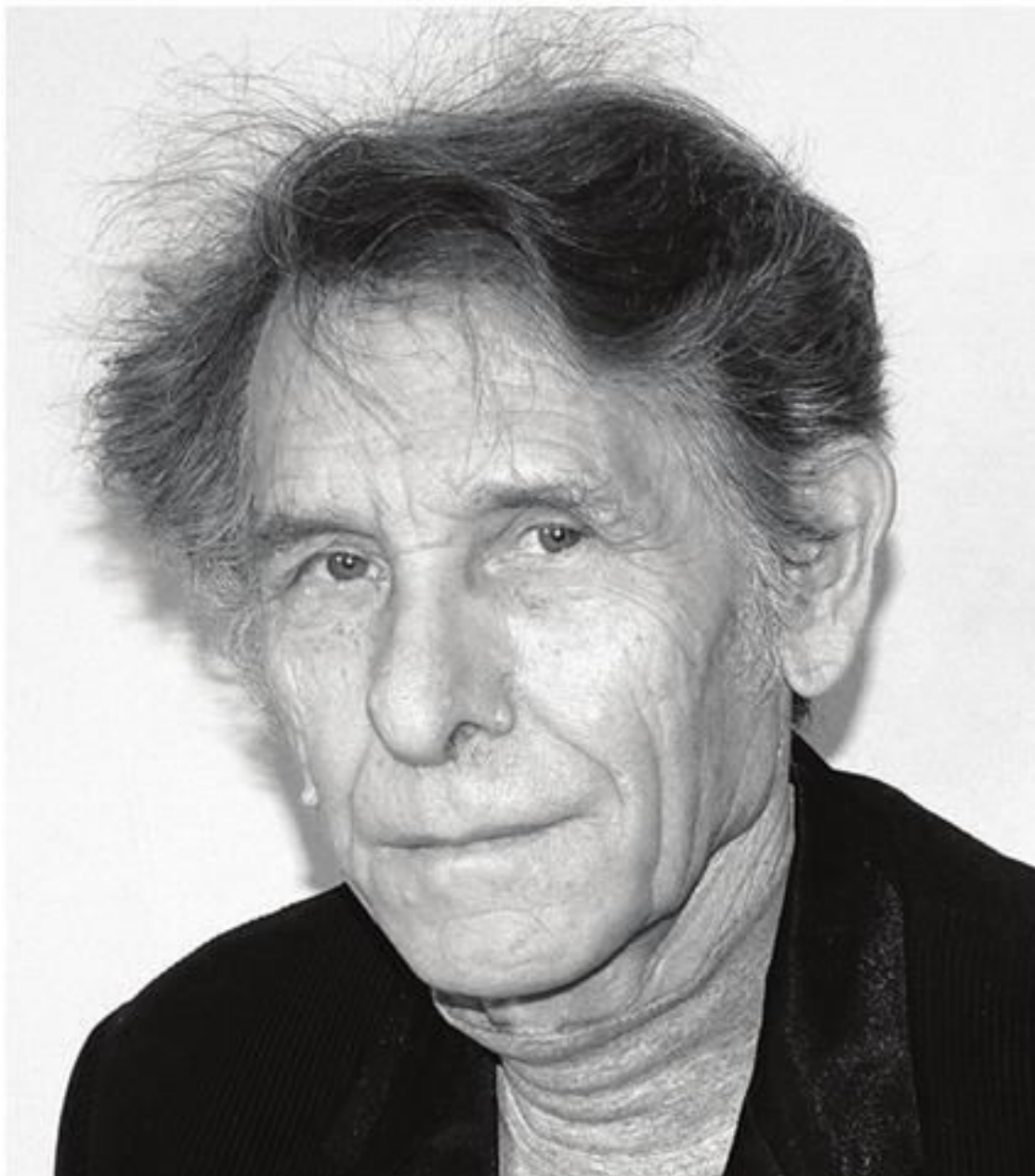

Владимир Нестеренко
Песня Тайги

© Владимир Нестеренко, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

***

Владимир Георгиевич Нестеренко, родился 15.01.1941 года. Член Союза журналистов СССР, Союза писателей России, МТО ДА. Издал в Москве, Красноярске, Кызыле двадцать четыре книги повестей и романов, в том числе десять книг для детей. Лауреат многочисленных международных литературных конкурсов, в том числе трехкратный золотой дипломант ЗПР. Имеет многочисленные публикации рассказов, повестей в альманахах и журналах «День и Ночь», «Енисей», «Новый енисейский литератор», «Енисейка», а также автор коллективных сборников, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге, Красноярске, Владивостоке, Ужгороде, Новокузнецке.

***

«...Стоит обратить внимание и на особый язык писателя. Он тоже оттуда – из народа. Это то, что уходит, но что так хочется сохранить! Как заповедные места, как редкие растения, занесенные в Красную книгу, как бесценный антиквариат...»

Мария Кутовая, серебряный лауреат ЗПР, Самара. Из рецензии на повесть «Иван в десятой степени».

«Ваш сценарий мне понравился. Стиль, слог, грамотность и задумка. Всё по высшему разряду. Мультфильм или короткометражку можно снимать уже сегодня!»

Максим Мархинин, Новороссийск. О сценарии «Как Баир обманутым помогал?»

«С удовольствием прочитал Вашу трилогию «Перекасти-поле». Глубокое и правдивое полотно о судьбе людей, оказавшихся под катком репрессий.

Решил написать книгу, посвященную своим корням, сравнить жизнь предков до и после революции».

Виталий Пшеничников, член Союза писателей России, Красноярск.

«Роман «Полководец князь Воротынский» очень понравился. Одну книгу отправила в наш Спасо-Преображенский Воротынский монастырь игуменье матушке Анастасии. Впечатляет Молодинская битва, воспевание подвига и значимость победы. Отрывок обязательно будем использовать в художественном чтении и в сценариях».

Ольга Литвинова, педагог, Воротынск, Калужская область.

ОТ АВТОРА

Слушал ли ты, юный друг, песню тайги?

Я, бывая в тайге, слушал, но звучала она всегда по-разному. В штиль хорошо слышна песня птиц, а их в лесу множество! То вдруг раздаётся дробь желны, добывающей в стволе дерева короедов; то послышится воркование диких голубей, а то и свист крыльев пролетающей стаи; то стрекот белобокой сороки, обнаружившей путника и сообщающей о его появлении лесным жителям; то раздастся громкое и несколько монотонное кукование кукушки, отсчитывающей кому-то года. Удавалось услышать песни токующих глухарей. А свадебные песни маралов! Они ни с чем несравнимы и незабываемы.

При легком ветре – это музыка крон великанов сосен, кедра, берёз, ели. При более сильных порывах – поют ветви каждого дерева и кустарников, которых в тайге не счесть. Во время бури и грозы – это трескающиеся раскаты грома и стон уставших от борьбы великанов, в другой раз кажется, что это вовсе не стон, а благодарный шум ливня, купающего протянутые руки-ветви деревьев.

Случалось слышать заунывную песню умирающей осины, расколотую молнией высохшую, – дребезжание отщеплённой веточки похожей на звуки мастера горлового пения или игры на хомусе¹. Звук этот долго стоит в ушах, иной раз баюкая на ночлеге.

А какова музыка горного студеного родника, скачущего со скалы на скалу, пенящегося от возникающего препятствия, или бурной речки, пересекающей тайгу и стремящейся к Енисею почти с тысячеметровой высоты. Голос такой прозрачной, как слеза воды, огибающей валуны, а то и перепрыгивая иные, глушит твой собственный. И тебе кажется, ты слышишь то голос мамы, зовущей тебя, то рев медведя, то хохот лешего или самого водяного, грозящего кому-то трезубцами. Бесподобна и музыка горного таёжного озера, шум волны, накатывающей на камыши или рогоз, на галечные отмели, бурный и восторженный гул речушки, врывающейся в это озеро, наполняя его и качая цветочную мозаику кувшинок.

Все эти песни и музыку тайги, ты услышишь, юный друг, в этом сборнике рассказов и сказок, который держишь в руках.

---

¹ Хомус – музыкальный инструмент восточных народов.

РАССКАЗЫ

Чем лечит тайга

Наступил сентябрь, и листва на деревьях принялась рыжеть и краснеть – это верный признак того, что в тайге поспела ягода, созрел орех, открыта охота.

Я выходил на крутой берег Енисея, откуда видны далёкие горы, и замечал, что ниже гольцов сильнее потемнела узкая лента кедрача, а в листвяжнике, что рассыпан по крутому склону хребта, разгорался пожар осени, и я чувствовал, как всё сильнее тоскует по тайге моё сердце.

Я спускался с высокого берега к воде, садился на огромный валун, о который бились холодные волны, и только тут, слушая монотонную работу реки, успокаивался. А уходил – снова тоска оживала в груди. Мне мерещилось, кто-то невидимый шепчет на ухо: тайга ждать долго не будет.

Тайга-то тайгой... Она всегда на месте, а вот люди точно – уйдут по орехи без меня. Степан-лесник, мой давнишний товарищ, осерчает: ведь мы договорились вместе маралий рёв послушать, поорешничать, а я подведу, не прилечу к нему в Тоджу. Мне неожиданно предложили путёвку в санаторий. Вот и хожу по кабинету, гляжу в окна, откуда видны гольцы Саян, а кто-то невидимый мне нашёптывает: «Брось ты свою путёвку в санаторий, поезжай в тайгу, тайга вылечит...»

И вот лечу на самолёте в таёжный край Тоджу – колыбель великого Енисея. Там много голубых озёр, бурных рек, дикого зверя. Здесь люди кормятся охотой, рыбалкой, орехом, пушным промыслом. Воздух в Тодже чист настолько, что смотришь на далёкие горы, а они как будто совсем рядом. И стоит тебе только пристально приглядеться, как там, на звериной тропе, увидишь гордого марала, на прогалине – стадо северных оленей, на кедре – шустрюю белку с шишкой в лапках...

В Тоора-Хеме меня оглушил гул танкетки. Возмутиться бы надо: чего так реветь, хоть уши затыкай. А посмотришь на тооракемцев, по-иному это оценишь. Приподнятое у них настроение, радость в глазах плещется.

У конторы лесхоза кучки мужиков в зелёных штормовках. Они степенно курят, обсуждают что-то. А женщины меж собой словами перебрасываются: «Мужья-то наши орешничать собираются. Орех нынче славный. То-то обнов и гостинцев накупим!»

Вот в чём дело! Оттого и гудит танкетка: обкатывают после ремонта, в трудный и далёкий путь готовят. В тайгу промысловикам провизию, одежду на ней повезут, оттуда – орех.

Таёжную дорогу не каждый осилит.

«Каравай домашний за один присест съешь?» – спросят у тебя, прежде чем в дорогу брать. Засомневаешься ты, и они в тебе засомневаются, слабак, подумают, разве такому таёжную дорогу осилить, нечего нос за порог совать. Там тебе пни на пути противотанковыми ежами покажутся, небольшие болотца – непроходимыми топями, завалы бурелома – неприступными засеками. Деревья в завалах друг на друге и поперёк и вдоль, и в небо, и в землю упираются, будто их злой волшебник складывал. Неопытному да слабому тут делать нечего. Начнёт убирать одно бревно, а сыграет второе, третье, покатится – зашибёт.

Вот и посылают вперёд бывалых мужиков с острыми пилами и топорами. Идут они по таёжной противопожарной просеке, то пень срежут, то нависшую или упавшую лиственницу распилят на части, то завал разберут. А за ними выючные лошади движутся. До деляны, где кедр море, идти далеко, не раз вспотеешь и высохнешь.

Забирается кедр туда, где берут начало горные реки и рождаются сизые туманы. Он любит держать на своих макушках ночующие облака. Кедр добр и щедр. Всё живое в тайге не прочь укрыться в его пушистых ветвях и полакомиться кедровыми орешками. У кого зубы острые, клюв крепок, кто научился добывать ядрышко – тот лакомится орешками, а неумеха только облизывается.

Меня Степан-лесник научил, как с высоченного кедрового орешки добывать. Нелегко это. Ну да мне много не надо, хотя все из тайги стремятся побольше богатства увезти – орехов, рыбы,

дичи. А мне рюкзакишко орехов хватит на зиму щёлкать, а вот таёжной жизни я бы три короба увёз. Да только не так это просто. Надо с тайгой крепче сродниться, сотни километров звериных троп пройти, у костра все рассказы таёжников выслушать, ложиться спать, когда ковш Большой Медведицы ручкой вниз опрокинется, а встать с утренней зарёй, тогда непременно бодрым и крепким станешь и с багажом приедешь!

Таёжный чай

Не вздумай спрашивать у настоящего таёжника, какой он пьёт чай: индийский или цейлонский. Засмеёт таёжник...

Я первый раз тоже попал впросак. В рюкзаке у меня лежало несколько пачек индийского чая, самого высшего сорта. Я достал одну и собрался удивить всех редкостной заваркой.

Думаю, если у них окажется грузинский чай, я небрежно отстраню кашевара и скажу: «Позвольте, у меня индийский, высшей пробы».

И только я спросил, какой у мужиков чай, они меня огорошили:

– Таёжный у нас чай, парень. Нет нужды нам в тайгу заграничный товар нести.

Примолк я, жду этот диковинный чай. Кашевар берёт твердый чёрный комок, с виду похожий на обуглившуюся деревяшку, и бросает в ведро с кипятком, затем горсть каких-то корешков – тоже туда. Повисело немного ведро над огнём, снял его кашевар, поставил на землю, телогрейкой накрыл и стал ждать, когда корешки напреют.

Я отвернулся: смотреть не хочу на это варево, не то что пить.

Лесник Степан, кряжистый бородач, с широкой, как платформа, спиной, говорит:

– Погоди сердать. Сначала попробуй.

Я тогда мало знал Степана и всех мужиков, с которыми брусничничал, и всё удивлялся его медлительности. А выходило совсем наоборот: Степан к концу дня почти полную торбу трёхведерную набил, а я едва-едва ведёрко наскрёб.

– За меня чур лесной старается, – смеясь, говорил Степан, когда я спросил, как это он умудрился столько ягоды набрать. – Походишь с моё по тайге, и ты с чуром познакомишься. Чай наш таёжный всё тот же чур варить помогает.

Налил Степан мне кружку чая. Признаться, до этого часа я ни разу не пил такого вкусного, ароматного напитка.

Чёрный комок, что бросил в ведро дежурный повар, оказался чагой, корешки – баданом и родиолой розовой, или, как её в народе называют, – золотым корнем.

Через несколько дней я не только стал ценить аромат таёжного чая, но и почувствовал другое его свойство. В городе, бывало, наработаюсь крепко, устану и сплю как-то беспокойно, просыпаюсь, заснуть не могу, нервничаю.

В тайге тоже приходилось крепко устать. Придёшь к таёжной избушке, присядешь у костра, ноги гудят, как трансформатор, кости ломит. Места себе не находишь. То встанешь, то сядешь, то ляжешь. Ну, думаешь, плохая ночь ожидается. Но пока ужин готовится, выпьешь таёжного чаю прямо на голодный желудок и вдруг чувствуешь, будто груз с тебя медленно снимают, будто ноги от свинцовых башмаков освободились. Потом, когда на отдых укладываться станешь, стоит себе приказать спать, как веки незаметно начинают смыкаться, а коль пожелаешь слушать таёжные истории, то слушаешь и сна – ни в одном глазу. Вот какой чудодейственный чай.

– Волшебный у нас чай, – улыбаясь, говорит Степан, – он помогает все твои желания исполнять. А если по-серьёзному сказать – чай этот нервы хорошо успокаивает, а когда нервы крепкие, то человек своими желаниями легко управляет.

Вот бы чудо-чая припасти для дома. Только найти чагу в тайге непросто, ещё труднее – золотой корень. Кто не знает, в каких местах чага водится, тот и вовсе не найдёт. Будет кружить по березняку и с пустыми руками придёт. Её надо искать на тех берёзах, что у болотца, или там, где мшистая влажная постель. Для берёзы чага – гриб-паразит: сидит на теле шишкой, пьёт березовый сок, разрушает ствол, а для человека – очень полезная лекарственная штука.

– Кто чагу пьёт, тот желудком не мается, печению не страдает, – говорит лесник Степан. – Рекомендую каждому.

Степан знающий человек, я ему верю.

Из чего только он в тайге чай не варит! Кровохлёбка, красавица с ажурными листочками и пурпурными шишечками-соцветиями; бадан, что каменную россыпь покрыл своими широкими, бархатистыми листьями, похожими на сердечко; вечнозелёная лакированная брусника; роза коричневая иглистая; наконец, смородина лесная – всё для чая годится. А брось их вместе – аромат по всей тайге пойдёт!

Горазды таёжники на выдумки, чаехлёбы отменные. Каждый, смотрю, то на россыпь сходит, чёрных прошлогодних листьев бадана и его корешков наберёт, кто к ручью за кровохлёбкой сбегает. А Степан всё чагу высматривает. Найдёт чёрный плотный нарост, если низко, топориком стукнет, отвалится кусок с кулак, а то и в два, он его в рюкзак, на зиму. Дальше идёт. Смотришь, потяжелел его рюкзак, разбух.

– Знакомый один просил, – говорит Степан, – так я для него стараюсь. Пусть пьёт наш таёжный чай, богатырский чай!

Мох

Тайга без мха – что море без воды. Вода – дом рыбам и китам, мох – дом грибам и ягодам. Вода даёт жизнь подводному лесу – водорослям, мох – деревьям.

Когда-то очень давно на месте тоджинской тайги лежали голые камни. Но проходили дожди, пригревало солнце, и на камнях стали появляться лишайники и мхи. Они впитывали в себя влагу, сохраняли, накапливали. В россыпях стало влажно. Ветер занёс сюда семена трав, кустарников, деревьев. Они набухли, проросли и превратились в высокие травы, в колючие и ажурные кустарники, ветвистые деревья.

Мох рос и отмирал, снова рос – и вот уже целая постель. Наступишь – нога по колено проваливается. Перина и перина, идти трудно.

Зато как хорошо на нём чувствует себя брусника, черника, клюква. Запустил ягодник свои корешки в мох, пьёт влагу, наливает соком рубиновые ягоды. Глянешь и – ахнешь! Будто заря небесная на Землю опустилась – всё усыпано брусникой. Лесник Степан знает мшистые, поросшие брусникой косогоры. Приходит осенним погожим днём и за несколько часов гребком бочку брусники набирает. Увозит на лошади домой и зимой чаёк с царь-ягодой попивает, кисели варит, пироги стряпает.

Однажды обратились к Степану школьники и попросили показать брусничные места, чтобы заготовить ягоду для дома престарелых. Степан привёл их на те косогоры, сказал:

– Берите, ребята, брусничку. Её тут всем хватит. Наберёте, а отвезти в село ягоду – помогу.

В тот год много таёжного дара на столы престарелым людям попало да в аптеку перекочевало. Приходят люди – покупают дары, отвары, настойки делают из таёжной ягоды и таёжных трав, пьют, лечатся.

Есть и другие обязанности у мха. В тайге он – что твой холодильник в квартире.

Поехали мы однажды со Степаном в разгаре лета проведать, как живёт-поживает тайга. Не напал ли хвойный шелкопряд на кедр и лиственницу, на сосну и ель? Лето жаркое стояло, сухое, того и гляди этот злой враг леса объявится. Тогда скорая помощь понадобится.

В жаркий день так и хочется холоденького кваску выпить. А где его охладить, если в тайге холодильники не работают.

Степан улыбаясь, говорит мне:

– Попьёшь кваску у меня, не беспокойся. Да такого, что зубы заломит!

Степан – загадочный для меня человек. Едем – молчит, сидим у костра – молчит: будто о тайге он ничего не знает, но стоит спросить его что-нибудь о таёжной жизни – тут же даст интересный ответ. И снова молчит. Ещё спросишь, ещё ответит. Просто он молчун.

Налил лесник кваса во фляжку, прицепил за ремешок к седлу, и мы поехали.

Я молчу. В душе усмехаюсь: «Как же – будет квасок холодный! Лето, жара...» А он едет себе верхом и едет. Я за ним в седле качаюсь, от веток сторонюсь.

Тайга огромная, можно бесконечно ехать. Мхи кругом, деревья, тропы. И все похожи друг на друга. Вот остановился Степан, спешил. Берет фляжку и под мох сует её. Поглубже старается, к самым камням.

– Через часок вернёмся сюда, – говорит Степан, – квасок в самый раз будет.

Как мы найдём это место, мне непонятно. Степан один только знает. Но я не про это. Вернулись мы действительно через час, Степан вынимает фляжку, подаёт мне, говорит:

– На, отведай кваску из моего холодильника, да смотри горло не застуди.

Отхлебнул я глоток, другой. Будто льдинку проглотил. Вот холодильник так холодильник у Степана! Тысячу, нет, миллион холодильников в тайге можно устроить. Вот бы мне в квартиру такой, безотказный.

Зимой мох совсем другую работу выполняет: тепло сторожит.

Без мха охотнику дом не срубить. То есть срубить можно, только в такой избе зимой не усидишь. Печь топишь-топишь, а сквозняк так и гуляет. Стоит ветерку дунуть – пропало дело. Выдует всё тепло, и тогда в избушке хоть волков морозь. Стены без мха – решето. Вот и кладут мох на брёвна. Выстилают мягкую подушку. На неё новое бревно ложится плотно, ни одной щёлки в стене не остаётся. Холодному ветру через проконопаченные стены в дом не залететь – тепло и сухо...

Однажды приехали в Тоора-Хем городские строители дома новые рубить. Хватились, а паклю по Енисею в село не завезли. Чем конопатить? Хотели отказаться от стройки.

Тут Степан появился, говорит:

– Поезжайте в тайгу, покажу я вам такое место, где мох полуметровый вырос. Берите, стелите на брус, он лучше вашей пакли.

И правда: поехали городские строители, набрали мха сколько надо, тёплые дома срубили...

Кедровка

Кедровка невелика. Чуть меньше сороки. Хвост похож на продолговатую, закруглённую лопатку. Клюв длинный и крепкий. На голове – тёмный берет, а пиджачок словно белым конфетти усыпан. С рукавов-крылышек кедровка эту пестроту стряхнула, и они чёрные.

Кедровке за её надоедливый крик можно второе прозвище дать – трёшотка хриплая. Сороку перетрещит...

Я сначала так и подумал: сорока-бездельница надрывается. Оказалось, кедровка!

Ох и ушлая птица! Прячься от неё, не прячься – всё равно обнаружит. Потому как и слух, и зрение у неё прекрасные.

До первой встречи с кедровкой я слышал, что она непримиримый враг заготовителей кедрового ореха, потому что урожай этого ореха на землю спускает. Как спускает, я понятия не имел. У неё же рук нет?..

– Зато клюв есть. Завтра увидишь, как эта глупая птица работает, – ворчливо говорил мне бригадир заготовителей ореха, когда мы ехали в тайгу. – Видишь, заволновалась птица, с дерева на дерево перелетает, в стаи собирается. Стоит только по кедру колотом, огромным деревянным молотком, ударить, она как угорелая примется шишки шелушить. Налетят тучей, и за две недели – нет шишки на деляне.

Что за птица такая прожорливая? Сама, видите ли, не сообразит, когда орех поспеет и пора его шелушить, ждёт, когда человек начнёт.

– Пакостная она, а не прожорливая, – поправил другой таёжник. – Она же орех в эту пору почти не ест. В мох прячет, про запас, да так и забывает свои кладовки. Ни себе – ни людям. А худущая за это время становится, ужас! Я видел, как от истощения замертво падает: зоб полон, а желудок – пуст.

Тоджинские мужики всю жизнь орехи добывают, потому злы на кедровку. Как тут не сердиться, если у тебя урожай, считай, из-под носа крадут.

Я видел, как кедровка работает. Сядет на кедр, сорвёт самую большую шишку, зажмет её лапками и клювом, как бритвой, срезает всю шелуху. Шелуха чем-то напоминает рыбью чешую. У рыбы чешуя тело прикрывает, шелуха у шишки – орешки. Кружочками, кружочками в маленьких гнёздышках орешки в шишке сидят. Кедровка только головой вертит. Длинным и крепким клювом орешек за орешком вынимает из гнезда и – в зоб.

Не успеет вся шелуха упасть на землю, как пустая шишка шлёп в мох. Кедровка шнырь следом за ней на землю, оглядится по сторонам – не подглядывает ли кто, и тогда из полного зоба орешки один за другим поглубже в мох прячет. Только маленькая дырочка от клюва во мху остаётся, да и та вскоре расправится, как будто никто тут и не был. Спрятала и за новой шишкой – порх на вершину. И так весь день. Столько кладовок понаделает, что всё позабудет!

Если орешки из шишки не умещаются все в зобу, кедровка всё равно бросает шишку на землю и больше к ней не возвращается. Такая вот расточительница. Однажды в тайге снег выпал рано. Кедровки стоят белые, величественные. Тишина таинственная. Так и кажется: сейчас кедровки от холода притопивать начнут, переключку устроят – не помёрз ли кто? Под снегом не видно шишки: ни людям её не взять, ни кедровке.

Сидят на стане орешечники, чай у костра варят, собирают заготовленные шишки, что кучками на деляне насыпаны, готовятся их обрабатывать. Запах чая далеко по тайге слышен. Приятно отхлебнуть глоток из кружки, погреться. Кедровки тут же вертятся. Шишки ворохом лежат, соблазняют, да люди рядом – боязно, не утащишь.

Но всё ближе, ближе подбираются. Люди ничего себе, спокойно сидят, чай пьют. Одна кедровка осмелела и прыг на кучу, шишку хватить и драть на кедр. Вторая, третья на кучу...

– Ах вы, нахалки, кы-ышь!

Кедровки отскочили. Прошло минут пять, они снова подступают. Ближе, ближе...

– Ты гляди-ка на них. Чаю не дадут спокойно попить!

Пришлось шишки брезентом накрыть, а то растащат.

– Э-э! Напрасно вы о кедровке так думаете, – сказал мне однажды лесник Степан. – Видите поросль кедровки? Это всё работа кедровки.

– Не может быть! – удивился я.

– Она незаменимый лесовод. Под этим выкарабкавшимся из мха кедрёночком, – ласково говорит лесник, – ещё есть орешки.

Лесник раскопал мох и вынул несколько начинающих гнить орешков.

– Штук двадцать тут их было, а один пророс. Через несколько десятков лет встанет молодой кедр и родит много шишек. А вот из одной ямки два взшло. Пусть растут. Тайга гуще станет. Наше лесничество в питомнике кедровки выращивает из семян, а я свою делянку разработал. Вот такую поросль накопаю, приторочу в кошелю на лошадь и везу к себе, высаживаю на мшистом месте. Все приживаются. Нынче у меня несколько тысяч корней на посадку взяли.

– Выходит, не такая уж кедровка вредная птица.

– Конечно! Она хоть и забывает свои многочисленные кладовки, но зато зверьё находит. Зимой придёт сюда кабан, своим крепким пятакон пропашет снег, разыщет запасы. Будет хрюкать и есть орешки, не догадываясь, кто ему вкусноту такую припас. Попадёт под его пятак неошелушенная шишка, и её съест кабан. Медведь тоже не прочь орехами полакомиться. Весной, после спячки, так и шастает по кедрочкам.

Вот и возьми тут, поругай кедровку. Полезная, выходит, птица, мудрая. Природа за нас давно подумала, кого для чего создать. Мешать только ей своими преобразованиями не надо.

Стол хариуса

Хариус живёт в чистых и бурных реках. Вода в них до ломоты костей холодна. Глянешь в эту воду – все камешки видны и ничего там больше нет: ни жучков, ни червячков, ни других каких козявок. Что же ест эта вкусная рыба?

Пища хариуса под валунами прячется. Подними камень со дна – увидишь на нём слизь, которой питаются мелкие речные животные. Их тут – усыпано. Одни с головку булавки, другие с головку спички, третьи – с пуговицу на твоей рубашке.

Вот побежал сероватый клопик с шестью ножками. Это гладыш обыкновенный. Его хариус ест охотно, но рыбак гладыша на насадку берёт редко. Уж больно мал ростом.

Под другими камнями можно обнаружить ручейника, мормыша или личинку веснянки. Хариус каждого не прочь съесть... Но как же безрукому да безлапому добыть пищу из-под камней? Вот тут-то бурное течение рыбе – союзник.

На реках Азас и Тоора-Хем – притоках Бий-Хема, много мормышей. Они живут в длинных косматых водорослях. Поедая слизь, мормыши ползают по стеблям, поток сбивает иных и несёт на стремнину. Хариус рыба сильная и быстрая – он тут как тут...

Однако весь день на потоке держаться – устанешь. Хариус не таков – он хитрый. Он любит стоять за валуном. Ими бурная горная речка усыпана всюду. Есть огромные – с легковую машину. Другие на середине речки верблюдами лежат, преграждая путь воде. Она сердится, пенится, ревет. Да ничего не поделаешь – приходится обтекать валун.

За самым валуном-великаном хариус стоит реже, а вот немного ниже, где потоки, огибая валун, сходятся, тут, за более мелкими гольшами, и держится рыба: добычу караулит. Мормыша вода так или иначе сюда занесёт. Зрение у хариуса отличное – заметил, метнулся серебряной молнией, проглотил мормыша и опять за валун.

Однажды на реке Хут подошёл я к яме-заводи. Смотрю – глубина приличная, на дне каменная глыба виднеется. Короткие водоросли, мох на ней, а под глыбой в голубой бездне хариусы клубятся. Вот один из них, огромный, с полено, проплыл возле глыбы и хвостом этак

необычно вильнул, как бы смахивая с неё что-то, и тут же стремительно развернулся и хватать это что-то. Сосед хариуса-великана тоже метнулся и тоже схватил что-то чёрное. Пригляделся и сквозь толщу воды увидел: хариусы хвостом сбивают прилепившихся к камню ручейников и подхватывают их тут же. Ручейники медленно, глазом не заметишь, движутся по каменной глыбе, слизь собирают своим ртом-присоской, кормятся.

Ручейники – лакомое блюдо хариусов. В октябре, перед зимовкой, когда рыба скатывается с малых речек в глубокие енисейские ямы, хариус чистит желудок песком. Так вот, для этой цели личинка ручейника стенофила подходит как нельзя лучше. Домик у стенофила своеобразный, построенный из донного материала – песчинок и крохотных камешков: похож на рожок мороженого или колпак клоуна. Возьмёшь в руки такой домик и удивляешься: перед тобой инкрустированная трубочка. Построил её зеленоватый, с твёрдой чёрной головкой, кажется, беспомощный жилец. Но примажет он своё жилище к камню и сидит там в безопасности.

Иному эта личинка покажется одетой в броню. А проглотит такую штуку хариус – сразу тебе и пища, и песочек для чистки желудка.

Спустился я чуть ниже, вывернул из воды камень – на нём домики личинок ручейника. Я оторвал один домик, на крючок его и в омут, за глыбу, к хариусам. Не прошло и пяти секунд, как поплавок мой в воду ушёл. Следует ловкая подсечка, и я вытаскиваю огромного хариуса.

На реке Ожу любимое блюдо хариуса – веснянка и её личинка. Рыбаки называют реколomкой. А связано это с тем, что в дни появления веснянки (середина мая, начало июня) сибирские реки разбухают и начинает идти коренная вода. Сломаны все льды и наледи, горные речки превращаются в неприступные бурные и мутные потоки. Вода выходит из берегов, ломает всё на своём пути. Идёт обновление.

В эту пору веснянку можно найти едва ли не под каждым камнем прибрежной полосы. Она выходит из воды и собирается колониями на пихте, лиственнице, ольхе.

Я первое время не знал, как надо ловить веснянку. Увидел – она верёвочкой вытянулась по стволу. Думал, сразу всю верёвочку в горсть смахну. Не тут-то было. Первая реколomка дёрнулась, подала сигнал соседке, соседка – соседке, и пошёл телефон работать. Вмиг всех обзвонил. Кто выше помчался, кто прыг с дерева, распустил свои крылышки и преспокойно, как на парашюте, спустился на землю, под листок. Ищи там веснянку притаившуюся.

Смекнул я: брать надо веснянку сверху по одной осторожно и – в склянку. Набрал с десятка полтора, иду ловить хариуса.

Хорошо берёт на веснянку хариус. Но держится она на воздухе не больше двух-трёх недель. Потом, отложив яйца в воду, исчезает. На всячей части булыжников, что нагромождены по берегам, можно увидеть сотни скелетов веснянки. Зацепившись усиками за лишайник, насекомые высыхают.

Бывало, придёшь на реку в одно воскресенье, веснянки тьма-тьмушая. Нарыбачишься вдоволь. На следующее воскресенье её уже тут мало. Вот и ходишь, ветки ольхи да ёлок трясешь. Две-три обязательно упадут. Тут гляди оба, проворно лови их. На третий приезд веснянки уже и вовсе нет. И рыба в реке есть, да рыбачить не на что.

– Это кому как, – говорит лесник Степан, – знающий рыбак поднимется вверх по реке километров на десять, а там личинка веснянки не вся из воды вышла. Заходи в воду, поднимай камни, переворачивай – и в ямочках, щербинках они кучками. Бери их побыстрее, пока не разбежались.

На личинку рыбачить ещё лучше. Ростом личинка такая же, только без крылышек, но более живучая. Насаженная на крючок, она долго шевелит ножками и не слетает с него: грудь у личинки как бы из панциря состоит, крепкая.

Но проходит и эта пора. Реже и реже попадают личинки, вода отступает, входит в своё обычное русло. И приходит то время, когда в верховьях личинка веснянки тоже вся на берег

вышла, отложив потомство, вымерла. Для неумелого рыбака наступает совсем унылая пора. Только на мошку и можно взять хариуса, но тут без ловкости и сноровки – пропадёшь. Стоишь и бросаешь по течению лесу с искусственной мошкой, желательно из медвежьей шерсти и переплетённую жёлтыми или бордовыми шёлковыми нитками. Хариус берёт активно, но стоит зазеваться и не подсесть, как он тут же чувствует обманку и выплевывает её.

В сентябре, когда лист летит с деревьев, хвоя с лиственницы сыплется, и того хуже. Куда там мошку бросать! Нацепляется на неё всякой всячины, что по воде плавёт. Хариус на такое брать не охотник.

Но бывалый рыбак не унывает. Он поднимается в верховья речки, где ям и перекатов больше, где родники. Там, где вода струится меж валунов, ищет нынешнюю реколлку. Она, правда, маленькая, но на наживку годится. Выбирать надо плоские, отмытые родниковой водой камни. Найдёшь одну-две, тут вокруг и охоться. Обязательно насобираешь личинок. Она есть, конечно, и в низовьях, но там глубина, не зайдёшь в бурную воду.

Только, пожалуйста, опускай камни опять на то же место, не выбрасывай их на берег. Кроме реколлки тут живут и другие насекомые. Видно, как, потревоженные, они разбегаются по камню в стороны. Если выбросишь камень на берег – высохнут личинки, рачки, клопики и всякая мелкая живность, обеднеет стол у хариуса. А если другой рыбак, третий так же поступит – совсем беда. Чем рыбе питаться?..

Превращение веснянки

В середине весны лёд на Енисее становится ноздреватым, набухает, как почки на ветке, того и гляди лопнет. Но ночные холода долго держат реку скованной. Любители подлёдной рыбалки высыпают в воскресные дни на затоны, сверлят в метровом льду лунки и ловят ельца, хариуса, ленка.

Хорошо берёт хариус в эту пору на червя, мормыша, личинку веснянки. Но где же взять этот рыбный деликатес?

Приглядел я на протоке Енисея мелководную полынью. Родники там бьют. В лютые морозы она парит, как котелок с чаем на огне. В солнечные дни зайчиками искрится. И так манит к себе, так манит!

Забрёл я туда в болотных сапогах, вывернул один камень. Есть живность, но мелкая, вывернул второй и нашёл личинку веснянки. За зиму выросла крупная, как раз для хариуса. Набрал в склянку сколько удалось. В крышке дырочку провертел, чтобы личинка не задохнулась, зачерпнул водицы родниковой. Личинки копошатся в баночке, друг на друга лезут.

Дома поставил баночку в холодильник – пусть субботы дожидается. Подошло время, собрался на рыбалку, склянку поставил в карман и поехал с ночёвкой.

Наутро за наживкой в карман и... батюшки! Склянка моя не моя! Такая же точь-в-точь как моя. Вот и отверстие в крышке гвоздём проковыряно. Стало быть, моя! И не моя – в склянке-то крылатые насекомые.

– Где это ты крылатую реколomку раздобыл? – спрашивают удивлённые рыбаки. – Знать, весна нынче будет ранняя...

Я только руками развожу. Позднее, в первых числах июня, довелось мне снова побывать на рыбалке. С вечера насобирал в склянку личинок: они у самого берега держались, готовясь к выходу из воды. Наутро смотрю – та же история: в баночке идёт превращение. Прямо на глазах. Личинка сбрасывает с себя зеленоватый наряд-панцирь, из-под него сначала появляются нежные янтарные и слегка помятые крылышки. Личинка медленно крючком сгибается,

и верхняя кожица постепенно сползает с неё. Но уж больно медленно. Крепко на бородке и на хвосте она держится, скручивает рекомку знаком вопроса. Потом янтарные крылышки темнеют, становятся цвета еловой коры, разглаживаются. Тело обновленной веснянки – почти шоколадное. У многих видны малиновые пятнышки. Это самки.

Понял я: наступает тепло, у веснянки второе рождение.

А тогда веснянки у меня в тёплом кармане ночевали...

Танец подёнки

Пригласил меня Степан на хариуса. Увлекательная это рыбалка! Если ты имеешь хорошую реакцию – будешь с уловом, нет – раздосадованный уйдёшь с реки с двумя-тремя хариусами.

Мы сели в моторную лодку, Степан запустил «Вихрь», и берега Енисея поплыли нам навстречу. Лодка у Степана самоделка, длинная, узкая. Сделана из плах осины, самого лёгкого дерева. Он на ней проходит любые шиверы и пороги, не боясь зацепить подводные валуны. Через полчаса ходу вверх по Енисею мы причалили к берегу, усыпанному крупным галечником и довольно солидными валунами. То там, то здесь из воды высовывались макушки огромных каменных глыб. Их тут называют шипунами. Вода вокруг них бурлит, беснуется, взбивает пену. Разлёгся здесь, дескать, на дороге. Пена хлопьями плавает, лопается, шипит. В таких местах хариуса много. Он хорошо берёт мошку. Она сделана из крючка, искусно обвязанного медвежьей шерстью и цветными шёлковыми нитками, напоминает крылатое насекомое. Мошку на леске бросают на воду и ведут, не торопясь, против течения. Мошка бежит вверх, делает крылышками широкие разводы. Какой хариус не соблазнится!? Рыба эта – что твоя молния, метнётся из-под валуна к мошке, хватать, но, почувствовав обман, сразу же выплёвывает. Вот тут-то реакция и нужна. Успеешь подсесть – твоя рыба, не успеешь – уйдёт восвояси.

Иной хариус, прежде чем схватить мошку, сбивает её хвостом, утопить старается, а потом берёт.

Но не всегда удаётся выманить хариуса из-под валуна. Сытый стоит, не хочет лишней расходу силу, ведь вода в реке бежит стремительно. Вот и приходится рыбаку подбирать мошки по цвету: рыжую, красную, жёлтую, чёрную.

Степан не торопится. Он ждёт вечера, и когда прохлада с гор спускается к реке, а солнце вот-вот спрячется за вершины гор, над Енисеем откуда ни возьмись повисает подёнка, насекомое. Её много, она кружит над водой, опускается к самым струям, снова взмывает на своих

прозрачных крылышках, висит неподвижно в воздухе, затем парашютирует на воду и плывет, отдаваясь лёгкой волне. Тут хариус покидает свои валуны-укрытия и выходит на охоту.

Вот к такому времени и подгадали мы...

То там, то здесь подёнка цвета осенней листвы снималась с прибрежной травы и парашютиками повисала над рекой. С каждой минутой её становилось больше и больше. Она чертила в воздухе замысловатые петли, распустив трепетные крылышки, усики и длинные хвостики, качалась на невидимых качелях, то падая, то взмывая, то повисая над лавиной Енисея, словно давала премьеру волшебного балета. Я замер от удивления и восхищения. А подёнка прибывала и прибывала, будто кто-то её вытряхивал из мешков, как муку, и она желтовато-белёсым облаком застилала всё пространство. На воде чаще стали раздаваться всплески один тяжелее другого.

– Ну вот, самый раз мошковать, – сказал Степан, подвязал жёлтую, как капля янтаря, мошку к леске и пошёл к соседнему шипуну. – Торопись, паря, пока подёнка танцует.

Он бросил на воду мошку, повел её против течения, раздался всплеск, Степан в тот же миг подсёк крупного хариуса и выбросил на берег.

Я последовал его примеру, возбуждаясь от непрерывного хлопанья на воде кормящимся хариусом.

Хвойные шапки

Ожу, что берёт начало в Восточном Саяне, впадает в Бий-Хем – река очень бурная. Каскад следует за каскадом. И по всему руслу – валуны, большие и малые.

Иной на крокодила похож: голова с пастью зубастой из воды торчит и спина горбатая вся в шишках, хвост в воде буруны поднимает. Идешь дальше. Стоп! Перед тобой динозавр, одна часть на суше, вторая – в воде. Стремительный поток угорело хлещет над той половиной валуна, что воды опустился напиться, огибает его, пенится. И вдруг смирнеет, тихонько плещется под боком, отдыхает. Тут же плавают листья, палочки всякие, хвоинки. Хлопья пены собираются в шар. И лопаются, будто дышат.

Такие места под валунами рыбаки называют уловами. Придумано это мудро. Хариус, ленок не любят, когда в горной реке всякий мусор плавает. А как ему не плыть, если река сквозь тайгу течёт? Тайга-то она живая! То шишку уронит с кедра или ели, то лист упадёт с березы, то ветер сломит сухую веточку, то хвоинку насекомое подточит. И всё это летит в реку. Поток подхватывает, кружит в водоворотах, о валуны бьёт, крошит на мелкие части. Рыба боится, неохотно выходит на кормёжку из-под своих укрытий. И не будь уловов, весь мусор так бы и несло по реке.

Но уловов на реке тысячи, и в каждом что-то задержится, закрутит, на берег выбросит или утопит.

Осенью, в октябре, когда хвоя лиственниц от дуновения ветра сыплется рыжим дождём, река тоже рыжеет. Плывут хвоинки, миллиарды их, тысячи миллионов попадают в улова. Струя их там крутит, сбивает, как пену, в один общий комок. Только комки эти не лопаются, а наоборот – растут, растут... Хвоинки друг к другу плотно-плотно прижимаются, как будто невидимая волшебница складывает. И вот уже не просто бесформенный ком, а шапка. Такая высокая, симпатичная. Нижняя часть околышем шириной с ладонь, верхняя часть – овальная. Такую шапку у нас называют боярка. Издали кажется – из зимнего колонка сшита. Огненная.

В другом улове вода по-иному ходит и блюдо золотое слепила-выкружила, в третьем – круглая, домашней выпечки булка хлеба, поджаристая, в четвёртом – сразу несколько пряников-песочников подрумянились. Так и хочется съесть!

Сынишка мой хотел рукой подцепить. Да подумал: рассыплется, жалко. Пусть плавают. Может, ещё кто увидит, полюбуется творчеством таёжной реки.

Сеноставка

Мы поднимались по таёжному распадку к россыпи, где, по словам лесника Степана, было много смородины. Впереди шёл сынишка. Неожиданно резкий свист заставил юного туриста вздрогнуть и остановиться.

Начиналась россыпь. И там, где дыбились поросшие мхом бесформенные валуны, повсюду зияли щели и проёмы. Здесь пролегли многочисленные ходы подземного поселения северных пищух.

– Испугался? – тихо спросил я. – Это передовой пост пищухи сообщает сородичам об опасности. Видишь – у твоих ног подземный город.

– Где же пищуха?

– Её не так-то просто увидеть среди камней. Шкурка у зверька песчаного цвета. Точь-в-точь как вон те рыжие мхи. Пищуха сидит или кочка торчит – не поймёшь!

Сыну очень хотелось увидеть обитателя столь неприступного жилища, родственника всем известного зайца.

У пищухи ноги коротенькие, но стартовая скорость, пожалуй, выше, чем у зайца. Молнией исчезает она в своей крепости. Забьётся пищуха в самый узкий лаз, где враги, скажем, хорь или колонок, ни клыками, ни лапой не достанут, и отсиживается. Надоест сидеть – она через запасный лаз выйдет на другой улице.

– Теперь, Юра, пищухи на нашем пути будут встречаться часто, – успокоил я сына, – увидишь на камне пучок высохшей травы – там пищуха побывала, сена стожок на зиму поставила. Для нас, конечно, не стожок – травы одна горсть, для пищухи – стог. Потому зовут её сеноставкой.

Сын шёл теперь по кромке россыпи и внимательно всматривался в расщелины. Повсюду под камнями были уложены хорошо высушенные зелёные пучки сена. Но россыпь была пустынна, лишь изредка звучал высокий и прерывистый свист.

В ту пору, когда созревает чёрная смородина, пищуха готовится к зиме. Зверьки неустанно запасают сено, обучают этому искусству свой выводок. Много они поедают травы, листьев, сочных побегов кустарников.

Зимой сеноставки большие охотницы поспать. Поспят-поспят, проснутся утречком, побегут к сену, перекусят и снова на отдых. Лежат, дремлют, трудно их расшевелить, даже температура тела понижается. А что делать: кругом снега, работы нет, спи себе спокойно, сено экономь...

Сено у пищух хорошее. В нём много питательных веществ, потому что зверёк «косит» траву в пору цветения, когда в ней много витаминов. Бегаёт сеноставка по лужайке и передними резцами подрезает стебельки. Я видел эту работу однажды в бинокль, а мой товарищ – через объектив фоторужья. Ловко у неё получается. Полежат травинки на солнышке немного, подсохнут, потом пищуха прячет их в укрытие, да так, чтобы солнце не жгло, а дожди не мочили, но ветерком продувало. Словом, крестьянская у сеноставки хватка.

И сено это ни марал, ни косуля, ни другой копытный зверь есть не станет – оно смочено пищухой и невкусное для других. Иначе каждый бы в трудное время её запасами пользовался, то есть грабил бы пищуху.

Ущелье становилось глуше. Скалы и тайга то и дело отжимали нас к самому руслу ручья, и мы вынуждены прыгать с валуна на валун, как медведи в цирке. Ручей, музыкально журча, огибал валуны, серебрился на солнце. Вдруг он исчез. Его погребла каменная лавина, которая давно скатилась с крутого склона. Теперь ручей струился под завалом, и оттуда, снизу, доносился его глухой говор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.